

А. А. КРИВОПАЛОВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ И. Ф. ПАСКЕВИЧ И ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИИ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЕ 1853–1856 ГГ.

В отечественной литературе Паскевич, в значительной степени, разделил судьбу Николая I. Это неудивительно, если учитывать то исключительное положение, которое на протяжении четверти века он занимал в правящей элите николаевской России. Огромная роль фельдмаршала в военном строительстве 1830–1840-х гг., искреннее доверие императора к полководческим, административным и организаторским способностям своего друга справедливо вызвали у современников и ближайших потомков вопрос об ответственности князя Паскевича за исход Крымской войны. И, как известно, этот вопрос был решен не в пользу военачальника. Фельдмаршал, да и вся николаевская политическая система, были обвинены в неспособности предотвратить поражение.

Тем не менее, до настоящего момента в литературе так и не была поставлена задача специального рассмотрения деятельности Паскевича в ходе Крымской войны, несмотря на то, что сама эта война имеет весьма обширную историографию. Общие работы по истории Крымской войны, написанные за последние 150 лет на русском языке, освещали роль Паскевича достаточно фрагментарно, ограничиваясь, по большей части, лишь некоторыми эпизодами кампании на Дунае в 1853–1854 гг.

В связи с тем, что в настоящее время издавна устоявшиеся взгляды на причины поражения России в этой войне подвергаются переоценке¹, необходимость уделить роли Паскевича особое исследовательское внимание представляется очевидной.

1 См.: Кухарук А. В. Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // Родина. 1995. № 3–4. С. 22–26; Kagan F. W. The military reforms of Ni-

Первая попытка создания общего исследования по истории войны была предпринята в середине 1870-х гг. генералом М. И. Богдановичем². Но под влиянием массовых публикаций новых документов и материалов о Крымской войне в российских периодических изданиях, работа Богдановича достаточно быстро устарела. Уже в 1878 г. Н. Ф. Дубровин критиковал Богдановича за недостаточное использование нового фактического материала³. На тот момент под новыми материалами, помимо документов ведомства иностранных дел, понималась, в первую очередь, переписка между императором и главнокомандующими на театрах войны. Документы, связанные с работой армейских штабов, на том этапе внимания исследователей еще не привлекали или же были засекречены.

Труд Богдановича носил описательный характер. Он не содержал ни критических оценок в отношении командования, ни глубокого осмысления причин принятия русской стороной важнейших военных решений, например, прекращения осады Силистрии и эвакуации армии из Придунайских княжеств.

Генерал Н. Ф. Дубровин⁴ в своей монографии пошел несколько дальше Богдановича в плане сбора доступных на тот момент источников и пришел к выводу, что фельдмаршал Паскевич несет значительную долю ответственности за недопустимые промедления в осаде Силистрии весной 1854 г. и за неоправданное сосредоточение войск на западных границах России, что предопределило неудачный для России исход боевых действий в Крыму. Над своей рукописью Дубровин работал почти в одно время с Богдановичем. Если, например, сравнить тексты отзыва Дубровина на четырехтомник Богдановича 1878 г. и текст собственно монографии Дубровина 1900 г., то критические оценки в отношении действий командования и комплекс материалов, на которых Дубровин основывал свое мнение, остались неизменными. По всей видимости, именно из-за присутствия в книге Дубровина достаточно критического тона, Военное министерство так долго откладывало публикацию рукописи.

Еще более мощный критический заряд содержала в себе вышедшая в 1890 г. двухтомная монография генерала А. Н. Петрова⁵.

cholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 221–249; Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 185–194; Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 188–222.

2 Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1–4. СПб., 1876.

3 Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878.

4 Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1–3. СПб., 1900.

5 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. В 2 т. Т. 2. СПб., 1890.

Автор придерживался крайне спорной точки зрения, считая, что все стратегические расчеты русского командования в 1854–1855 гг. строились на изначально неверном посыле. Петров пытался доказать, что угрожающие концентрации австрийских войск на русских границах, вынудившие Паскевича летом 1854 г. снять осаду Силистрии и прекратить кампанию на Дунае, являлись не более чем блефом австрийского правительства. И лучшее, что Россия могла в той ситуации сделать, это полностью игнорировать любые австрийские угрозы и продолжать войну так, словно бы австрийской армии на фланге и в тылу вообще не существовало⁶.

Таким образом, Петров пришел к радикальным выводам, но на основе далеко не полного знакомства с источниками. Фактически, все сведения об австрийской армии, ее передвижениях и дислокации взяты им из донесений русских посланников при венском дворе (П. К. Мейендорфа и А. М. Горчакова). Автором широко использовались уже опубликованные, в основном, на страницах «Русской Старины» и «Русского Архива» источники о войне и участии в ней Паскевича, но, как отмечалось выше, этот материал ограничивался в основном перепиской русских командующих с императором. Донесения русской разведки и штабная документация в исследовании не привлекались. Петрову еще не могли быть доступны такие важнейшие австрийские источники, как переписка императора Франца Иосифа с канцлером К.-Ф. Буолем, начальником императорского штаба генералом Г. фон Гессом, главнокомандующим австрийскими войсками в Италии фельдмаршалом Й. Радецким⁷.

В 1904 г. вышел седьмой, относящийся к событиям Крымской войны, том биографии И. Ф. Паскевича, написанной князем А. П. Щербатовым⁸. В труде Щербатова был собран огромный, до сих пор не утративший ценности фактический материал о деятельности Паскевича на протяжении всей его жизни. Структурно тома представляли собой последовательное изложение событий биографии фельдмаршала. По своему характеру семитомник представлял собой скорее расширенный послужной список Паскевича. Серьезных попыток критического осмысления его роли в событиях русской истории автор не предпринимал. Исследование Щербатова можно рассматривать как обширную публикацию источников. В конце каждого тома автор поместил приложения, содержавшие выдержки из приказов, многочисленные донесения, а также пере-

6 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. С. 320.

7 Результаты использования этих источников на сегодняшний день см.: Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.

8 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. В 7 т. Т. 7. СПб., 1904.

писку Паскевича с известными государственными деятелями его эпохи и особенно императором Николаем I.

Иной характер имел незаконченный труд А. М. Зайончковского⁹. Он затрагивал в первую очередь дипломатический аспект участия России в войне, хотя автором и приводились очень интересные материалы по предвоенному состоянию русской и западных армий. Характерной чертой взглядов Зайончковского являлось то, что император Николай как военный деятель вызывал у него значительно большую симпатию, чем фельдмаршал Паскевич, тогда как в оценках роли князя Варшавского автор был столь же критичен, как Петров и Дубровин.

Приложения, помещенные в книге Зайончковского, отражают переписку командующих русскими войсками, содержат ряд важнейших записок и заметок военного характера, таблицы с описаниями организационной структуры русской армии, ведомости наличия различных запасов для армии и флота накануне войны.

Подводя итог достижениям дореволюционной историографии, хотелось бы отметить несколько, на мой взгляд, важных моментов. Во-первых, Богданович и Дубровин заложили традицию изучения Восточной войны, в первую очередь, как проблемы обороны Севастополя и ведения боевых действий на территории Крыма. События Дунайской кампании ими изучались постольку, поскольку они повлияли на неподготовленность русской армии к обороне полуострова. Во-вторых, монографии Дубровина, Петрова и Зайончковского сформировали весьма негативный и, до некоторой степени, карикатурный образ Паскевича как военного деятеля. Фельдмаршалу ставились в вину опасения «утратить, на старости лет, былую славу» и вытекавшая из этого нерешительность в проведении Дунайской кампании в 1854 г.

Опасения Паскевича по поводу возможного нападения Австрии на западные границы России признавались преувеличенными или же вовсе неосновательными, а настоятельные требования фельдмаршала концентрировать силы в Польше и на Волыни, исходя из возможности такого нападения, объяснялись его мелочным эгоизмом.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что наиболее критические высказывания в адрес военных способностей военачальника А. Н. Петров и А. М. Зайончковский позаимствовали из одного достаточно сомнительного источника¹⁰. В 1874 г. в № 35 и 36 берлинского военного журнала «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» была опубликована статья под названием: «Der Feldmarschal Paskiewtsch im Krimkriege», которая спустя год была пе-

9 Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. В 2 т. СПб., 1908–1913.

10 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. С. 360–362, 366–367; Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1913. С. 922, 979.

реведена на русский язык на страницах «Русской Старины»¹¹. Данная статья представляет собой сосредоточение всех известных негативных оценок роли Паскевича в Крымской войне, которые фактически без изменения повторялись затем отечественными историками. Они оказались живучими настолько, что перешли затем частично и в советскую историографию.

Помимо этого, анонимный автор статьи также приписал князю Паскевичу известный афоризм: «*Путь в Константинополь лежит через Вену*»¹². Эта фраза якобы содержалась в одной из записок фельдмаршала, отправленных Николаю I весной 1854 г. На самом деле, предложения Паскевича, неоднократно высказывавшиеся в письмах императору и командующему Дунайской армией генерал-адъютанту М. Д. Горчакову, не содержали ничего похожего на такую стратегическую комбинацию. В феврале, а тем более весной 1854 г. князь Варшавский призывал проявлять исключительную осторожность в международных делах, особенно в отношении Австрии.

Советская историография Крымской войны также лишь фрагментарно освещала деятельность Паскевича. Наибольшей известностью до сих пор пользуется монография академика Е. В. Тарле¹³. И хотя данная работа отражала в основном дипломатический аспект описываемых событий, его рассуждения о противоречивости роли князя Паскевича представляют определенный интерес. Тарле указывал на то, что Паскевич накануне и в начале войны склонялся к проявлению гораздо большей осмотрительности, чем Николай I. Автор объяснял это тем, что, в отличие от императора, князь Варшавский отдавал себе отчет в истинных, т. е. весьма ограниченных, возможностях русской армии. Поэтому «не только за себя, но и за всю николаевскую Россию он боялся, когда настаивал на осторожности, и не только помрачения личного своего престижа он ждал от возможной неудачи на войне»¹⁴.

Тарле достаточно четко уловил тот факт, что фактически в 1853–1854 гг. речь шла не о боязни фельдмаршала за свой престиж, а о сложных и слабо предсказуемых изменениях внешнеполитической ситуации. В подобном контексте осторожность Паскевича являлась, скорее, следствием более глубокого понимания стратегического положения сторон.

Если говорить о современных работах, то следует упомянуть неопубликованную диссертацию А. В. Кухарука¹⁵.

Объектом исследования в ней выступает Большая Действующая армия — ключевой инструмент военной политики Николая I. Эта армия возникла при чрезвычайных обстоятельствах — в начале русско-польской войны 1831 г. И после разгрома восстания она была сохранена как организационная структура, управляющая лучшими войсками Империи. Располагаясь на западном стратегическом направлении, Действующая армия выполняла несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, это занятие Польши, порядок в которой гарантировался исключительно расквартированными на ее территории русскими войсками. Во-вторых, армия служила главной ударной силой на случай войны в Европе, и, наконец, именно на ее основе в ходе мобилизации должно было осуществляться боевое развертывание сухопутных войск Российской Империи. С 1831 по 1855 г. генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский являлся главнокомандующим Действующей армии.

Используя материалы фондов Военно-исторического архива (РГВИА), автор последовательно раскрыл механизм развертывания вооруженных сил в ходе Восточного кризиса 1833 г., напряженной международной обстановки 1839 г. и революции 1848–1849 гг., а также рассмотрел участие Действующей армии в Венгерском походе и Крымской войне.

Кухарук уделил внимание князю Варшавскому и пришел к ряду интересных выводов. Но специфика его работы заключалась в том, что предметом изучения выступала не личность, а сложная организационная структура. Это естественным образом ограничивало автора при описании роли Паскевича в вопросах стратегического планирования.

Также следует отметить работу О. Р. Айрапетова¹⁶, которая уделяет внимание Крымской войне как событию во внешней политике России, рассматриваемой автором с учетом ее военно-стратегической составляющей. Не обращаясь специально к рассмотрению роли Паскевича, автор стремится к раскрытию истинных и мнимых причин поражения России. Им сделан важный вывод о том, что сам по себе исход противостояния изолированной России с вражеской коалицией «отнюдь не свидетельствовал о слабости империи Николая I»¹⁷.

К похожему выводу о том, что в Восточной войне русская армия «добилась даже большего результата, чем от нее можно было ожидать» пришел в своем более раннем исследовании Ф. Кэган¹⁸.

В первую очередь автор изучал взаимодействие институтов высшего военного управления в николаевской России и военные реформы 1830–1840-х гг. В центре его внимания находилось Военное министер-

11 Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. №. 8. С. 603–635.

12 Там же. С. 613.

13 Первое издание: Тарле Е. В. Крымская война. В 2 т. М.-Л., 1941–1943.

14 Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 249.

15 Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999.

16 Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

17 Там же. С. 219.

18 Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999.

ство и фигура военного министра А. И. Чернышева. Паскевич, который не имел прямого отношения к реформам министерства в 1830-е годы, на страницах этой монографии упоминается лишь отрывочно.

Важной чертой работы Кэгана, является его стремление показать, что проигрыш Россией Крымской войны не являлся следствием военного поражения, а был обусловлен изначальной безнадежностью ее стратегического положения. Ни техническая отсталость, ни слабость военной администрации не имели на этом фоне принципиального значения. Исход борьбы был предрешен прочной дипломатической изоляцией России и географической разобщенностью потенциальных театров военных действий. Ставшая легендарной неэффективность николаевской военной бюрократии при ближайшем рассмотрении также оказывается очень сильно преувеличенной. Не зря в заключении своей работы автор указывает: «Развертывание армии в 2 500 000 чел. может считаться одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.»¹⁹.

Хронологически более ранней, но в то же время последней обобщающей работой по истории Крымской войны является монография американского историка Дж. Ш. Кертисса²⁰. Ее отличает гораздо более глубокое, чем свойственно отечественной историографии, знакомство с англо-франко-австрийскими источниками и литературой. Автор нарисовал куда более сложную картину Восточного кризиса 1853 г. и колебаний австрийского правительства в 1854–1855 гг., чем, соответственно, Е. В. Тарле и А. Н. Петров.

Однако в том, что касается оценок действий Паскевича, автор, с одной стороны, полагал, что фельдмаршал «возглавлял список бездарностей в николаевской армии»²¹, с другой, подчеркивал, что в ходе кампании 1854 г. «взгляд фельдмаршала на ситуацию был отчасти правильным»²². Подобное расхождение объясняется тем, что работа Кертисса испытывала очевидную нехватку «свежего» материала о действиях русской армии. По сути, Кертиссом были использованы лишь хорошо известные еще с конца XIX в. публикации материалов в «Русской Старине», «Русском Архиве», «Военном Сборнике» и биографии Паскевича, написанной князем Щербатовым. На мой взгляд, именно по этой причине автору не удалось более четко определить свое отношение к роли князя Варшавского в Восточной войне.

Таким образом, за полтора столетия в историографии сложился устойчивый и, по большей части, негативный образ Паскевича. Исследователи обвиняли его в допущении грубых ошибок в ходе дунайской кампании 1854 г., в переоценке опасности войны с Австрией и, как следствие, в неоправданном сосредоточении большей ча-

сти сухопутных войск на западных границах Российской империи, что отрицательно сказалось на ходе боев в Крыму. В основе ошибок фельдмаршала, с их точки зрения, лежали: предвзятая оценка обстановки, мелочный эгоизм и недостаток военных способностей.

Очевидно, что попытка разобраться в степени справедливости столь глубоко укоренившихся историографических оценок, равно как попытка приблизиться к решению исследовательской задачи в том виде, как она сформулирована в заглавии статьи, представляется совершенно невозможной без обращения к широкому кругу неизвестных и мало использовавшихся ранее источников.

Эти источники отложились в Российском Государственном Военно-Историческом архиве в фонде Военно-ученого архива, фондах, имеющих отношение к штабным структурам Большой Действующей армии и фонде Департамента Генерального штаба.

В фонде Военно-ученого архива (ВУА) удалось обнаружить ранее не использовавшиеся записки: «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и «Соображение по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией», составленные 3 и 9 марта 1855 г. Д. А. Милютиным. Генерал-майор Милютин по заданию военного министра В. А. Долгорукова систематизировал в своих записках предложения Николая I, И. Ф. Паскевича, М. Д. Горчакова и Ф. В. Ридигера, касающиеся возможных действий русской армии в период между ноябрем 1854 г. и мартом 1855 г. в случае начала войны с Австрией.

Также фонд ВУА содержит, известную ранее лишь по фрагментам переписку главнокомандующего Действующей армией Паскевича с командующим Дунайской армией генерал-адъютантом М. Д. Горчаковым и военным министром, в которой обсуждались военные планы и ход боевых действий, а также приказы фельдмаршала о передвижении войск и его размышления над военно-политической обстановкой.

В фонде Департамента Генерального штаба (Ф. 38) сохранилась неиспользовавшаяся ранее переписка Паскевича с генерал-адъютантом Ф. В. Ридигером, а также сведения о передислокациях русских войск на западных границах империи.

Данные разведки о подготовке австрийцев к военным действиям, агентурная информация о численности и расположении их армий, о состоянии укреплений в Галиции, а также сведения о политическом положении внутри Австрии сохранились в фонде Главного штаба Действующей армии (Ф. 14014) и личном фонде князя Паскевича (Ф. 207).

Материалы Фонда Военно-походной канцелярии главнокомандующего (Ф. 14013) имеют большое значение для понимания позиции Паскевича в вопросе выбора для России приоритетного театра военных действий. Там находятся размышления князя Варшавского о политической обстановке в Европе и его анализ стратегического положения России, включая записку 28 февраля 1854 г. Эта записка была составлена для Николая I и является ключевым до-

19 Ibid. P. 243.

20 Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.

21 Ibid. P. 333.

22 Ibid. P. 247.

кументом, раскрывающим сущность стратегии, избранной Россией в Восточной войне.

Иван Федорович Паскевич родился в Полтаве 8 мая 1782 г. В 1793 г. он был отправлен в Пажеский корпус, где в октябре 1800 г. окончил обучение и был произведен в поручики Преображенского полка с назначением флигель-адъютантом к императору Павлу I. С 1806 по 1810 гг. Иван Паскевич принимал участие в русско-турецкой войне, смог отличиться, и в 28 лет был произведен в генерал-майоры.

Незадолго перед началом войны с Наполеоном Паскевич был назначен командиром 26-й пехотной дивизии, с которой он прошел Отечественную войну, отличившись в сражениях под Салтановкой, Смоленском, на Бородинском поле и под Малоярославцем. В ходе заграничного похода Паскевич отличился в сражении под Лейпцигом, за что был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1814–1817 г. Паскевич командовал 2-й гренадерской дивизией, участвовал во взятии Парижа, а после войны продолжил службу в Смоленске. Весной 1821 г. Паскевич был назначен командиром 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которой командирами бригад были великие князья Михаил и Николай Павловичи.

Знакомство Паскевича с будущим императором состоялось еще в Париже в 1815 г., после чего они стали друзьями. После службы в гвардии под начальством Паскевича, Николай Павлович до самой смерти будет в переписке обращаться к нему не иначе как «отец-командир».

Летом 1826 г. Николай I отправил Паскевича на Кавказ, командовать отрядом Отдельного Кавказского корпуса в начавшейся войне с Персией. Вскоре Паскевич был назначен главнокомандующим Кавказского корпуса и наместником на Кавказе, где успешно окончил войны с Персией (1826–1828) и с Турцией (1828–1829). За свои победы Паскевич получил титул графа Эриванского и был произведен в генерал-фельдмаршалы.

В 1831 г. Николай I назначил Ивана Федоровича главнокомандующим армией, задействованной в войне против польских мятежников. 25–26 августа 1831 г. Паскевич штурмом взял варшавские укрепления и подавил восстание. За успешное окончание войны и покорение Варшавы ему был присвоен титул Светлейшего князя Варшавского.

После победы фельдмаршал продолжал командовать Действующей армией и исполнять обязанности наместника в Царстве Польском. В ходе реформ 1830–1840-х гг. Большая Действующая армия стала ядром вооруженных сил России. Под командованием Паскевича находились четыре пехотных корпуса — крупнейшее объединение полевых войск империи. В должности главнокомандующего Действующей армией фельдмаршал князь Варшавский находился до 1855 г., т. е., фактически, до самой смерти.

Во время революционного кризиса в Европе 1848–1849 гг. войска Паскевича были привлечены для оказания экстренной помощи Ав-

стрийской империи в ее войне против восставших венгров. После короткого Венгерского похода 1 августа 1849 г. мятежники капитулировали у Вилагоша перед войсками 3-го пехотного корпуса под командованием Ф. В. Ридигера.

Признательность и благодарность Николая I Паскевичу были исключительны. Император повелел, чтобы даже в его присутствии войска отдавали фельдмаршалу императорские почести. Паскевич к 70 годам стал кавалером всех российских и множества иностранных орденов. В семье Николая Павловича (особенно среди старших сыновей) много лет процветало нечто вроде культа «отца-командира».

Влияние князя Варшавского на военную политику России было весьма велико. При подборе кандидатов на должности от командира полка до командира корпуса часто решающую роль играл обмен мнениями между Николаем и главнокомандующим. Старейший полководец по-прежнему пользовался неограниченным доверием монарха.

К очередному обострению Восточного вопроса в начале 1850-х гг., Россия, как тогда казалось, подошла в зените славы и военного могущества²³. Конфликт вокруг спора о правах католиков и православных на Святые места постепенно обострялся на протяжении 1851–1852 гг. Наконец, в декабре 1852 г., уступая давлению Наполеона III, султан предоставил католикам дополнительные права. С этого момента конфликт стал стремительно перерастать из конфессиональной плоскости в политическую. Не «заметить» демонстративного ущемления прав православного населения Турции Россия просто не могла, «если конечно она хотела именоваться великой державой»²⁴.

В конце 1852 г. Николай I приказывает начать мобилизацию войск 5-го пехотного корпуса, расквартированного в Крыму и Новороссии. Однако это была лишь мера предосторожности, император на тот момент совсем не стремился доводить дело до войны с Турцией и, тем более, идти на обострение отношений с западными державами.

Желая прояснить отношение Британии к возможному столкновению России с Турцией и к перспективе раздела наследства «большого человека», император решил на беседу с британским послом Дж. Сеймуром. Предложения территориального расчленения Османской империи не вызвали сочувствия у британского кабинета, с его стороны последовал вежливый отказ. Николай I явно переоценивал возможность прийти с англичанами к соглашению в Восточном вопросе. Это стало одним из крупнейших его просчетов. Тем не менее, отказ содействовать России совсем не означал автоматического перехода Лондона к числу ее активных противников. Инерция исторического франко-британского соперничества в Евро-

²³ Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования Государя Императора Николая I. СПб., 1855. С. 905.

²⁴ Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 272.

пе и Средиземноморье была настолько велика, что было весьма затруднительно предположить возможность возникновения антиросийского соглашения между этими державами. Это может служить определенным оправданием как для Николая I, так и для Паскевича, который в своих прогнозах допускал ту же ошибку.

Как отмечал американский исследователь, между декабрем 1852 г. и маем 1853 г. позиция Британии в Восточном кризисе была подвержена серьезным колебаниям²⁵. Сам по себе факт отправки в Константинополь миссии князя А. С. Меншикова еще не создавал угрозы, что события выйдут из-под контроля. Меншиков на борту парохода «Громоносец» 16 (28) февраля 1853 г. прибыл в Константинополь, где вскоре начались переговоры.

В вопросе о статусе Святых мест достаточно быстро удалось найти компромисс. Но требование о расширительном толковании статей Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., связанных с правом русского покровительства православным подданным султана, вызвало у англичан и французов серьезное противодействие. Паскевич также считал требования, заявленные Меншиковым, чрезмерными и не согласными с прежними трактатами²⁶, поэтому здесь уместно говорить о серьезном несовпадении взглядов по данному вопросу в ближайшем окружении царя.

В ходе дипломатических переговоров ситуация стала постепенно обостряться. Полковник Х. Г. Роуз — британский поверенный в делах в Константинополе, и его французский коллега граф В. Бенедетти, с целью дипломатического давления на Россию потребовали от своих правительств скорейшей отправки флотов в акваторию Эгейского моря²⁷.

О серьезных колебаниях британского кабинета говорит тот факт, что предложение Роуза было отклонено. Британский флот остался на Мальте, хотя и был приведен в состояние боевой готовности. Наполеон III был настроен гораздо решительнее: 23 марта эскадра под командованием Ф. Гамелена покинула Тулон и взяла курс на восток. Спустя несколько дней французы бросили якорь в Саламинской бухте.

Военные приготовления набирали обороты и в России. С 10 февраля проводились мероприятия по развертыванию 4-го пехотного корпуса, который двинулся на юг для усиления 5-го, тогда как 3-й корпус занял освободившиеся квартиры 4-го²⁸. На повестке дня встала давняя идея высадки десанта на Босфоре.

В феврале 1853 г. в высадке десанта, по расчетам Николая I, должны были принять участие 13-я и 14-я пехотные дивизии 5-го корпу-

са. Император считал, что «чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе»²⁹. Похожих взглядов придерживался и князь Варшавский, 12 февраля он написал императору, что успешная высадка «одним ударом ведет не только к окончанию войны, но и к ниспровержению Европейской Турции»³⁰.

Однако политического решения начать войну в Петербурге принято еще не было, так как оставались достаточно серьезные основания надеяться на дипломатическое урегулирование конфликта. Паскевич, как и Николай I, серьезно недооценивал опасность англо-французского соглашения против России. Фельдмаршал в корне неверно представлял себе смысл поведения в Константинополе нового британского посланника Ч. Стратфорда-Каннинга. С его точки зрения, Британия для того, чтобы отвлечь Париж от противодействия английской политике в Европе, стремилась столкнуться с Россией и Францией в Восточном вопросе³¹. Это было опасное заблуждение, так как под влиянием русофобской истерии в британской печати³² английское правительство постепенно все более склонялось к поддержке Франции и Турции.

Появление французского флота вынудило Меншикова признать «крайнюю затруднительность или даже невозможность» десанта. Письмо, датированное 12 (24) марта, пришло в Петербург между 22 и 24 марта (3–5 апреля). В то же самое время — 19 марта (1 апреля) — начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В. А. Корнилов сообщил Меншикову и великому князю Константину Николаевичу, что «высадки десанта на Босфоре никак не должно предпринимать, иначе как при соблюдении самой глубокой тайны»³³.

Важно отметить тот факт, что в донесениях Корнилова нет никаких указаний на присутствие французского флота, видимо, адмирал еще не имел достоверной информации о его появлении. Но, как бы то ни было, приход эскадры Гамелена делал высадку крайне затруднительной.

Не добившись от турок, за спиной которых стоял Стратфорд-Каннинг, уступок в вопросе о покровительстве православным подданным султана, Меншиков 9 (21) мая покинул Константинополь. Через 10 дней было объявлено, что если Порты не согласится признать право России на покровительство православному населению Турции, то русские войска, в залог выполнения данного требования, займут

25 Curtiss J. S. Russia's Crimean War. P. 110.

26 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 59–61.

27 Там же. С. 111.

28 Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. С. 169.

29 Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 675.

30 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 44.

31 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2. Записки Паскевича о политике Англии и о взаимоотношениях России и Австрии.

32 Curtiss. J. S. Russia's Crimean War. P. 114.

33 Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1 (Приложение). СПб., 1908. С. 585–592. См. также: Вице-адмирал Корнилов. Сборник документов. М., 1947. С. 173.

Придунайские княжества. 2 июня 1853 г. вице-адмиралу Дж. У. Дондасу, командующему британской средиземноморской эскадрой, было приказано следовать указаниям Стратфорда-Каннинга. 13–14 июня британские корабли сосредоточились в Безикской бухте (у входа в Дарданеллы), где 20 июня к ним присоединились французы³⁴.

С этого момента о русской высадке на Босфоре вплоть до осени речи уже не шло. Некоторое время император и Паскевич обсуждали идею высадки дивизий 5-го корпуса в районе Варны и Бургаса, но так как война с Турцией формально еще не началась, император совсем не стремился быть ее инициатором. Вместо этого, по совету Паскевича, армии генерал-адъютанта М. Д. Горчакова было приказано оккупировать Придунайские княжества. 21 июня русские войска перешли Прут.

Фельдмаршал явно не относился к числу поклонников похода на Царьград через Балканы, понимая всю сложность подобной операции. Даже в благоприятной обстановке, т. е. в условиях, когда турок не поддерживали бы западные державы, такой поход (по опыту войны 1828–1829 гг.) требовал отвлечения на южное стратегическое направление значительной доли войск и ресурсов, а это неизбежно ослабляло позиции России в Европе³⁵. По этой причине, Паскевич поддерживал идею десанта до тех пор, пока он оставался возможным.

Убеждая императора ограничиться оккупацией Княжеств, Паскевич предполагал этим шагом, с одной стороны, приостановить дальнейшую эскалацию конфликта, с другой — создать менее затратное, чем угроза похода, средство давления на Османскую империю. Таким средством давления, по мнению фельдмаршала, должно было стать ополчение из балканских славян. Идея выглядела заманчиво и очень понравилась Николаю I. На основе кадровых войск Княжеств (10 000 чел.) предполагалось вооружить славянское ополчение и, в случае начала войны, использовать его против турок. Такая мера, по словам Паскевича, «могла бы сделаться началом распада Турецкой империи»³⁶. Россия же получала существенную экономию средств, так как фельдмаршал полагал, что, при наличии ополчения будет достаточно иметь против турок всего один или два корпуса, даже если османов поддержат западные державы³⁷.

Затея с ополчением оказалась несостоятельной. Как отмечал генерал-лейтенант Н. И. Ушаков, дежурный генерал Дунайской армии, вместо ожидавшихся десятков тысяч добровольцев явилось лишь 3000 чел., из которых многие впоследствии дезертировали. Оставшиеся 900 ополченцев оказались настоящей головной болью для рус-

ского командования. Они не желали подчиняться военной дисциплине и для того, чтобы держать этих людей под контролем, приходилось принимать крутые меры вплоть до смертной казни, поскольку они «не только грабили на улицах Браилова, Галаца и других городов, но даже днем производили там кровавые драки и убийства»³⁸.

28 июля австрийский канцлер К.-Ф. Буоль выступил с так называемой Венской нотой. Австрия, Франция, Британия и Пруссия предложили компромиссное решение русско-турецкого спора. Россия согласилась при условии, что в текст ноты не будут внесены изменения, однако Турция, побуждаемая англичанами, потребовала их внести. В итоге переговоры не дали результатов.

На очень короткое время, пока исход переговоров еще не стал ясен, в Петербурге вновь вернулись к идее десанта на Босфоре, поскольку появилась надежда на то, что турки в своем противостоянии с Россией окажутся в одиночестве. Но переговоры в Вене к мирному урегулированию не привели. Разрядка обстановки — и этого-то, как раз, не понимали в Петербурге — Великобританию уже не устраивала, и она активно подталкивала Порту на дальнейшее обострение конфликта. 14 сентября султан предъявил ультиматум, требуя очистить княжества, ответа не последовало, и 20 октября началась русско-турецкая война.

Несмотря на неудачу с ополчением, общая осторожная линия Паскевича ввиду неясности обстановки выглядит оправданной. Он был совершенно прав, когда предсказывал, что наступление за Балканы из-за поддержки союзниками турок стратегических результатов принести не может. Однако в его рассуждениях все еще проскальзывала мысль о возможности соглашения с Англией и Францией — иллюзия, с которой он расстанется только к февралю 1854 г.³⁹

Период с октября 1853 г. по февраль 1854 г. прошел в подготовке к новой кампании. Фельдмаршал прибыл в Петербург для личных совещаний с императором и военным министром. В это время осуществлялось окончательное приведение сухопутных сил в боевую готовность. Еще до Синопского сражения 13-я пехотная дивизия 5-го корпуса из Севастополя была направлена на Кавказ, ее сменила переброшенная из Одессы бригада 14-й дивизии того же корпуса. Обе операции были быстро и четко осуществлены силами Черноморского флота, что говорит о высокой готовности моряков и пехотинцев к совместным действиям, а также о наличии у флота серьезной практики десантных операций.

В Придунайских княжествах была развернута армия М. Д. Горчакова, главной силой которой были 3-й и 4-й пехотные корпуса.

34 Curtiss. J. S. Russia's Crimean War. P. 146–148.

35 Щербатов. А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 52.

36 Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 687.

37 Там же. С. 701.

38 Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Деятельный Век. Ист. сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 62.

39 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3 об. Записки Паскевича о политике Англии и о взаимоотношениях России и Австрии.

В Польше осталась армия генерал-адъютанта Ф. В. Ридигера, состоявшая из 1-го, 2-го и Гренадерского корпусов. Так как обе армии формировались на базе Большой Действующей армии, Паскевичу было поручено общее руководство над ними.

4-й пехотный корпус, дислоцированный в центральной России и игравший до войны роль общего резерва, также был приведен в боевую готовность. Из его состава 18-я пехотная дивизия была отправлена на Кавказ, а 16-я и 17-я дивизии выдвигались на Украину.

В действиях Паскевича импонирует полное отсутствие «стратегии престижа». Он однозначно высказался в пользу эвакуации слабых укреплений Кавказской береговой линии, которые не имели шансов отразить совместное нападение союзников с моря и черкесов с гор. Этим шагом фельдмаршал спас для Кавказского корпуса 2000 чел. и 100 орудий. «Скажут, что упразднение сие произведет дурное влияние, — писал Паскевич, — но оно будет еще хуже, когда укрепления будут взяты с пленными и с орудиями»⁴⁰.

Войскам Горчакова ставилась задача форсировать Дунай, но от похода за Балканы, из-за стремления Франции и Англии вступить в войну, решено было отказаться. Важно подчеркнуть, что вплоть до февраля 1854 г. планировалось форсировать Дунай примерно в районе Видина, т. е. вплотную к австрийской границе. Этим шагом предполагали вызвать массовое восстание славянских народов. На нижнем Дунае планировался вспомогательный удар.

Однако в конце января — начале февраля в составленные планы пришлось вносить срочные коррективы. Миссия А. Ф. Орлова в Вене, где он должен был добиться согласия Австрии на дружественный нейтралитет в начавшейся войне, потерпела провал. Сразу после отъезда Орлова австрийцы начали мобилизацию армии и выдвигание войск на границу. Правда в первую очередь в начале весны подкрепления направлялись на границу с Сербией, восстания в которой австрийцы опасались не меньше, чем турки.

Мощный союз консервативных монархий, с 1815 г. определявший европейскую политику, разрушался на глазах. Вена была обеспокоена ростом влияния России на Балканах не меньше морских держав. Канцлер К.-Ф. Буоль всерьез опасался, что дальнейшее проникновение России на полуостров угрожает жизненным интересам Австрии, поскольку лояльность миллионов славянских подданных Габсбургов в этом случае ставилась под сомнение. Пруссия напрямую не была заинтересована в Восточном вопросе, но и оказывать политическую поддержку Петербургу не торопилась. В Германии не могли забыть «Ольмюцкое унижения», а Пруссия была склонна рассматривать свои действия, в первую очередь, с точки зрения перспективы усиления собственного влияния в Германии. Всех этих

фундаментальных перемен Николай Павлович вовремя не осознал. То же самое можно сказать и о князе Варшавском.

Победы русских войск на Кавказе и уничтожение турецкого флота в Синопе резко обострили отношения России с Англией и Францией. «Что же возмутило против нас Европу? — задавался вопросом князь Варшавский через полтора года после начала войны — Разумеется, не то, что мы вступили в Княжества: дела и после того едва не пришли к миролюбивой развязке, но желание уничтожить и ослабить Россию»⁴¹.

Положение стремительно становилось угрожающим. 15 февраля союзники предъявили ультиматум, требуя очистить княжества. Николай I не ответил, и 27–28 марта последовало объявление войны. Пруссия вслед за Австрией также отказалась подписать с Россией договор о нейтралитете. В то же время, обе державы отказались и от англо-французского предложения примкнуть к их союзу. Они согласились только подписать вместе с Англией и Францией протокол, в котором указывалось, что державы 1) будут поддерживать целостность турецкой территории и, следовательно, очищение княжеств от русских войск, а также 2) признание прав христиан, но без нарушения прав султана⁴².

Из-за позиции, занятой австрийским правительством, Паскевичу пришлось серьезно пересмотреть план предстоящей кампании на Дунае. Намеченная переправа у Видина была отменена. Это означало отказ от попытки спровоцировать славянское восстание в поддержку действий России на Балканах. Впоследствии русская армия вообще покинет территории, прилегающие к границам Австрии и Сербии.

Постепенно давала о себе знать и некоторая напряженность в отношениях с императором. Николай I, также как и князь Варшавский, был прекрасно осведомлен о начале австрийской мобилизации на сербской границе и о том, что отказ Вены подписать договор о нейтралитете таит в себе потенциальную опасность флангу и тылу Дунайской армии. Однако пока он был склонен рассматривать эту опасность как весьма отдаленную. Желая быстрее достичь успеха в борьбе с турками, он требовал от Горчакова скорейшего форсирования Дуная.

В период между 10 и 28 февраля 1854 г. находившийся в Петербурге князь Варшавский испытывал мучительные колебания. Он не советовал Горчакову переходить Дунай до тех пор, пока ситуация с Австрией не прояснится. Взаимоисключающие требования, исходящие от императора и фельдмаршала, ставили Горчакова в затруднительное положение. Наконец, 24 февраля Паскевич приказал Дунайской армии совершить переправу, а спустя четыре дня

⁴⁰ Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 696.

⁴¹ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 59–61.

⁴² Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878. С. 9.

подал императору записку, в которой в самых черных красках рисовал стратегическое положение России.

Без записки 28 февраля 1854 г. невозможно понять побудительные мотивы действий Паскевича на протяжении Крымской войны. Этот документ появился на свет в тот момент, когда фельдмаршал, во-первых, окончательно распрощался с иллюзиями о возможном мирном соглашении с Англией и Францией, а, во-вторых, осознал возможную угрозу со стороны Австрии и Пруссии.

Записка начиналась с констатации весьма неприятных фактов: «Четыре европейские державы предлагают нам свой ультиматум. Мы находимся в том положении, что теперь вся Европа против нас на море и на сухом пути: Англия, Франция, Турция уже объявили войну; Австрия, можно сказать, на их стороне. Пруссия будет также вскоре увлечена. Никогда Россия не бывала еще в таковых тяжелых обстоятельствах»⁴³.

Констатация данного факта означала, что масштабы борьбы стали превышать естественные пределы военных возможностей Российской империи. О локальной войне речи более не шло, союзников у России не было. Все дальнейшие размышления главнокомандующего отныне будут сводиться к поиску возможности предотвратить вступление Австрии и Пруссии в войну, т. е. поиску такого решения, которое не допустило бы дальнейшего разрастание вражеской коалиции до безнадежных для России размеров.

Далее Паскевич вспомнил про 1812 г. Он ясно видел, что, в отличие от событий Отечественной войны, на этот раз Россия оказалась перед лицом опасной стратегической внезапности, которая не позволила должным образом подготовиться к отпору силам коалиции, а сама эта коалиция в любой момент могла приобрести такие масштабы, при которых Россия гарантированно обрекалась на поражение:

«Неограниченное властолюбие Наполеона заставляло задолго предвидеть 1812 г. и дало нам полтора года на приготовления. В 1810 г. могли мы начать уже формирование новых полков; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины в тылу и потому, в 1812 г., начав отступление до самой Москвы, пополняли убыль в войсках резервами ... К счастью, фланги наши были свободны и все средства Англии в нашем распоряжении. Россия могла выдержать со славой борьбу с Наполеоном ... Ныне обстоятельства так быстро изменялись, что не дали нам возможности приготовиться. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне кажется нельзя уже сомневаться, что Пруссия будет действовать вместе с Австрией против нас. Имея двух неприятелей в центре, тогда как десанты французов на черноморских берегах в одно время с австрийцами из Трансильвании выйдут на коммуникации нашей Дунайской армии, а пруссаки обой-

43 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–22.

дут наш фланг в Литве, мы уже не можем держаться ни в Польше, ни в Литве, а отступая не найдем магазинов»⁴⁴.

Фельдмаршал объяснял Николаю I тот очевидный факт, что Россия не может в одиночку бороться против всей Европы, и в случае неудачи будет оттеснена за Днепр, потеряв Литву и Польшу.

Во второй части записки Паскевич рассуждал о возможных путях выхода из создавшегося положения. Он пришел к выводу, что для России важнее всего выиграть время и, следовательно, ей необходимо принять ультиматум об очищении Княжеств. В этом случае, даже если прекращение войны с Англией и Францией не будет достигнуто, появлялся реальный шанс удержать пруссаков и австрийцев от вступления в конфликт:

«Если бы морские державы и не согласились на наши предложения, то и тогда мы, по крайней мере, выиграем время: в полтора-два месяца успеем укрепить свою настоящую позицию на Днестре... У нас же в центре будут подходить войска; соберем магазины; словом осмотримся, займем стратегические пункты и приготовим продовольствие. Европейские державы также будут иметь время одуматься: их лихорадочное состояние, может быть, успокоится, рассудок возьмет верх»⁴⁵.

Таким образом, Паскевич приходил к выводу о необходимости всеми силами затягивать войну. Только это давало шанс на благоприятный оборот событий в будущем. На этом расчете были построены все действия князя Варшавского в ходе кампании 1854 г. При таком положении дел продолжение кампании на Дунае, со стратегической точки зрения, становилось не просто бессмысленным, но и опасным. Однако оставалась серьезная проблема: нужно было убедить императора Николая вывести русские войска из Княжеств, чего он пока совсем не планировал делать. Его реакция на записку 28 февраля неизвестна, но он лишь в июне 1854 г. согласился последовать совету «отца-командира»⁴⁶.

Если перспектива военного столкновения с Австрией в конце февраля выглядела для Петербурга вполне реальной, то опасения насчет вступления в войну против России еще и Фридриха-Вильгельма IV были пока преждевременны. В начале весны 1854 г. это еще не было очевидно, но Пруссии был выгоден строгий нейтралитет в войне. Причем выгоды эти имели вполне материальный характер. Пруссия активно занималась реэкспортом русской сельскохозяйственной продукции в Англию. В 1854 г. ввоз из России сала был увеличен почти в 5 раз, конопля — более чем в 10 раз, льна — более чем в 2,5 раза⁴⁷.

44 Там же.

45 Там же.

46 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 187.

47 Тарле Е. В. Крымская война. М., 2003. Т. 1. С. 57.

Что касается Австрии, то там одержала верх позиция главы ведомства иностранных дел канцлера Буоля, считавшего, что ни Россия, ни западные державы не должны доминировать на Балканах. Буоль полагал, что Австрии не следует мириться с присутствием русских войск в низовьях Дуная, поэтому в октябре 1853 г. в Словении, Венгрии и Трансильвании была мобилизована армия численностью 130 000 чел. Тем не менее, до весны 1854 г. Австрия воздерживалась от сосредоточения войск в Галиции — естественном плацдарме для наступления против России⁴⁸.

11 марта Горчаков с боем форсировал Дунай у Галаца, Измаила и Браилова. Вскоре русская армия приступила к осаде Силистрии — ключевой крепости в нижнем течении Дуная. Турецкая армия Омера-паши укрепились в Шумле, дожидаясь подхода союзников. Передовые отряды французской армии начали высаживаться в Галлиполи в апреле, откуда их затем перевезли в Варну, но до мая количество этих войск не вызывало опасений, кроме того, союзникам явно не хватало лошадей, полевой артиллерии и транспортных средств, что означало их беспомощность при действиях вдали от побережья.

Концентрация австрийских сил в Галиции, Трансильвании и на Буковине выглядела куда опаснее. Австрийские войска нависали над коммуникациями русской армии в Молдавии и Валахии. Попытки Дунайской армии после переправы развить успех на южном берегу в этих условиях были сопряжены с огромным риском. Удар австрийцев во фланг и тыл Горчакову мог привести к полному разгрому. Русская военная разведка фиксировала перемещения и сосредоточения больших масс войск, заготовку австрийцами значительного количества продовольствия, разработку дорог в тылу армии и строительство земляных укреплений вокруг ключевых городов Галиции и Буковины.

Система русской военной разведки сейчас может показаться достаточно запутанной, но она в целом позволяла вполне оперативно отслеживать происходящее на территориях Австрии и Пруссии, а командование могло делать принципиальные выводы о готовности или неготовности, в данный момент времени, австрийской армии открыть военные действия. Более того, 25 февраля Паскевич обратился к К. В. Нессельроде с просьбой обязать русских консулов в пограничных областях Австрии и Пруссии докладывать ему в Варшаву обо всех распоряжениях местных властей, касающихся формирования войск⁴⁹.

48 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 50.

49 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2 об. Предписание Министерства Иностранных Дел русским консулам в областях Австрии и Пруссии о представлении ими главнокомандующему Действующей армией сведений о вооруженных силах Австрии и Пруссии.

8 / 20 апреля под давлением Австрии Пруссия согласилась заключить с ней наступательный и оборонительный союз. Берлин включил в текст договора одну важную оговорку, что соглашение вступает в силу только в случае «угрозы общегерманским интересам». Поскольку единственной серьезной угрозой германским интересам могло считаться только русское вторжение в Австрию, во всех остальных случаях русско-прусская война становилась крайне маловероятной. В военно-стратегическом смысле это означало, что у русской армии больше не было возможности нанести превентивный удар по австрийцам. Любая попытка вести войну на территории Австрии означала риск борьбы со всей Германией. Паскевич понял это очень четко и многократно повторял летом и осенью 1854 г. в переписке с Г. В. Жомини⁵⁰. С апреля 1854 г., по глубокому убеждению Паскевича, русско-австрийская война могла вестись только на территории Российской империи.

Князь Варшавский, уже с конца февраля рассматривавший кампанию на Дунае как стратегически бесперспективную, тем не менее, 12 апреля прибыл под осажденную Силистрию и лично возглавил армию. Здесь налицо было серьезное несовпадение взглядов Паскевича и Николая I. Император, хотя и остро чувствовал угрозу со стороны Австрии, полагал, что Силистрию можно и нужно взять, пока австрийцы не завершили своих приготовлений, а союзники не доставили в Варну значительных сил.

Помимо необходимости исполнения высочайшей воли, в действиях фельдмаршала имелся и еще один, не менее важный, мотив. С его точки зрения, форсирование Дуная и осада Силистрии могли сыграть роль отвлекающего стратегического маневра с целью выигрыша времени. Кампания на южном берегу Дуная, до тех пор, пока концентрация австрийских войск на фланге и в тылу армии не приобрела угрожающие размеры, позволяла удерживать войска союзников на Балканах и защищать, таким образом, черноморское побережье России⁵¹. В это же самое время, князь Варшавский тщательно готовил будущую позицию русской армии за Днестром, отступление на которую он считал неизбежным. В городах Бессарабии и Новороссии, особенно в Одессе, создавались большие запасы продовольствия для войск, укреплялись стратегически важные населенные пункты.

Паскевич писал в Севастополь князю А. С. Меншикову, предельно откровенно излагая свой план: «Действительно, когда будет против нас вся Европа, то не на Дунае нам необходимо ожидать ее ... Австрия, имея до 230 000 войск в Венгрии, Трансильвании и на сербской границе ... пошлет в Фокшаны, Яссы или Каменец

50 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 211–221, 226–243, 264.

51 Там же. С. 142–143.

... тысяч 60 или 70, нам совершенно в тыл ... Тогда положение будет так тяжело, как не было и в 1812 году, если мы не примем своих мер заранее и не станем в своей позиции, где бы ни опасались, по крайней мере, за свои фланги ... Я ожидаю об этом повеления, а, между тем, сохраняю вид наступательный для того, чтобы, угрожая Турции, оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их на себя»⁵².

Как видно из текста письма, Паскевичу еще только предстояло убедить Николая I в необходимости эвакуации Княжеств. Император требовал активизации осадных работ и скорейшего взятия Силистрии. 17 апреля в письме Паскевичу он выразил свое категорическое несогласие с предложением оставить Княжества и отступить сначала за Серет, а потом за Прут⁵³.

Тем временем, угроза со стороны австрийцев постепенно нарастала. В конце апреля Паскевич начал вывод войск из Малой Валахии, с одной стороны, чтобы не провоцировать Австрию действиями вблизи Сербии, с другой, чтобы эти войска не попали под австрийский удар со стороны Трансильвании.

В монографиях Н. Ф. Дубровина, А. И. Петрова, Е. В. Тарле и, в меньшей степени, Дж. Ш. Кертисса недостаточно решительные, как им казалось, действия Паскевича в ходе кампании на Дунае изображались главной причиной неудачного исхода осады Силистрии⁵⁴. Свои выводы они основывали на упоминавшейся выше компиляционной статье берлинского военного журнала за 1874 г. Источники данной статьи в настоящее время еще не выяснены. Однако критика действий Паскевича под Силистрией⁵⁵ неизвестными авторами статьи была целиком основана на мемуарах Н. И. Ушакова — дежурного генерала в штабе Дунайской армии⁵⁶. Николай Иванович оставил яркие воспоминания о том, как он, вместе с генерал-квартирмейстером армии генералом С. П. Бутурлиным, явился к Паскевичу и попытался убедить старого фельдмаршала в преувеличенности его опасений насчет концентраций австрийских войск в Трансильвании.

52 Переписка князя Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 235–236.

53 Война России с Турцией 1854–1855 гг. // Русская Старина. 1877. Т. 19. С. 91–92.

54 См.: Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. С. 18; Он же. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. С. 112; Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. Т. 2. С. 360–362, 366–367; Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1913. Т. 2. Ч. 2. С. 922, 979; Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 437. Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. P. 439.

55 Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну. С. 619.

56 См.: Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну. С. 618–619; Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав. С. 81.

Обращает на себя внимание тот факт, что для обоснования своего мнения, генералы не привели никаких конкретных данных, кроме «здравого смысла», исключавшего, с их точки зрения, возможность того, что в такой короткий срок австрийцы смогли собрать армию численностью 200 000 чел.⁵⁷ Таким образом, уместно предположить, что генерал Ушаков не обладал достоверными данными об австрийских военных приготовлениях по ту сторону границы.

А в Австрии, еще до подписания конвенции с Пруссией, император Франц Иосиф приказал принять дополнительные военные меры. Объявлялся призыв резервистов на службу. В Венгрии началась мобилизация 3-й армии под командованием эрцгерцога Альбрехта, а в Галиции — 4-й армии генерала от кавалерии графа Ф. Шлика. Общее начальство над двумя армиями было поручено генералу Г. фон Гессу — начальнику императорского штаба⁵⁸.

Все еще связанный распоряжениями императора, Паскевич был вынужден продолжать осаду, хотя, по его мнению, «риск делается почти невозможным и, во всяком случае, неблагоприятным и лишним»⁵⁹. 28 мая, во время рекогносцировки крепости, он был контужен ядром. Фельдмаршалу пришлось сдать командование М. Д. Горчакову и уехать в Яссы, откуда 10 июня он, в очень тактической форме, снова пытался убедить Николая I отступить за Дунай⁶⁰. Император отлично понимал потенциальную угрозу, исходившую от Австрии, но до июня 1854 г. не считал положение опасным настолько, чтобы прекратить осаду Силистрии.

Князь Варшавский, располагавший, в отличие от Ушакова, многочисленными агентурными данными, видел высокую готовность австрийской армии к нападению. 4 июня он сообщал Горчакову, что по данным разведки, на Буковине и в Галиции осуществляются приготовления к приему большого числа войск, идет активная разработка дорог, а в Австрийской империи собрано 90 000 новобранцев и резервистов с перспективой набора еще 95 000⁶¹. 6 июня на имя генерал-квартирмейстера армии генерал-лейтенанта И. С. Фролова пришла депеша, из которой следовало, что австрийцы в скором времени намерены объявить России войну с целью очищения Княжеств⁶².

Канцлер Буоль действительно предъявил Российской империи ультиматум, требуя покинуть Молдавию и Валахию. Направляя ультиматум, Буоль продолжал преследовать свою цель, подразу-

57 Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав. С. 81–88.

58 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 50.

59 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 147.

60 Там же. С. 184.

61 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Л. 120–121 об. Агентурные донесения о политическом положении и военных приготовлениях Австрии и Пруссии.

62 Там же. Л. 103.

мевавшую вывод с Балкан русских войск. Этим шагом он рассчитывал обеспечить равноудаленность от России и Запада, а также мир и статус-кво с целью укрепления позиций Австрии в регионе⁶³.

Таким образом, стремясь к выгодному для Австрии мирному урегулированию, Буоль шел на очевидный риск войны с Россией. Однако канцлер полагал, что, даже если такая война начнется, её масштабы ограничатся Княжествами⁶⁴.

Политика Буоля вызывала жесткую оппозицию со стороны австрийского генералитета. Начальник императорского главного штаба генерал фон Гесс придерживался мнения, что даже война, «ограниченная» рамками Княжеств, потребовала бы мобилизации не менее 200 000 чел. и активной помощи со стороны Пруссии. Ожидать же, что Пруссия вступит в войну на стороне Австрии, можно было только в том случае, если бы русские войска вторглись на австрийскую территорию.

19 июня в Яссах Паскевичу была доложена приблизительная дислокация 2-го, 4-го, 9-го, 10-го, 11-го и 12-го австрийских корпусов, сосредоточенных на границах России⁶⁵. В начале июля было выяснено, что общая численность австрийских войск вскоре достигнет 300 000 чел., из которых 70 000 сосредоточены в районе Кракова, не менее 50 000 — в Трансильвании⁶⁶, 30 000 — около Лемберга (Львова), 40 000 — в остальной Галиции и 90 000 — на Буковине⁶⁷.

Развертывание австрийцами такого количества войск, наконец, убедило Николая I в справедливости аргументов князя Варшавского. 12 июня от императора пришло приказание прекратить осадные работы. Получив разрешение, Паскевич немедленно увел войска за Дунай, сохранив небольшой плацдарм у Тульчи и Исакчи.

20 июня Паскевич из Ясс переехал в Гомель, где продолжил лечение. Армия начала возвращаться на собственно российскую территорию. 10 августа Омер-паша занял Бухарест, но вскоре, по соглашению с союзниками, турок сменили австрийцы. В конце августа южная армия Горчакова отошла за Прут. Он располагал весьма внушительными силами: 8 пехотных дивизий, 4½ дивизий кавалерии, 3 стрелковых и 3 саперных батальона, 8 казачьих полков и 392 орудия — всего до 120 000 чел.⁶⁸

После завершения Дунайской кампании русская армия была готова встретить австрийское нападение на гораздо более удачных

позициях. Войска располагались за Днестром, к Пруту были выдвинуты только передовые отряды. К северу от позиций Горчакова на Волыни находился созданный Паскевичем в мае 1854 г. отряд генерала от кавалерии Шабельского в составе трех дивизий резервной кавалерии и 6-й пехотной дивизии⁶⁹.

Еще севернее — в Царстве Польском — в боевой готовности стояла армия Ф. В. Ридигера, имевшая для действий в направлении австрийской границы 6 пехотных дивизий, не считая войск в гарнизонах.

После ухода России с Балкан Буоль выступил с новой мирной инициативой, известной как «четыре пункта» и содержавшей неприемлемое на тот момент для Петербурга требование о пересмотре конвенции о Проливах 1841 г.⁷⁰ Николай I отверг унижительные условия и приготовился к дальнейшей борьбе. К этому времени подготовка союзников к высадке десанта в Крым вошла в финальную фазу, а отоброшенная австрийская армия продолжала стоять на русских границах.

Генерал фон Гесс был крайне скептически настроен по поводу перспективы войны с Россией. Но, подчиняясь приказу императора, в конце лета 1854 г. он разработал план наступления, в основу которого была положена идея нанесения удара из Галиции на северо-восток между Вислой и Бугом⁷¹.

Опасения Гесса, в значительной степени, были оправданы. Австрия, в случае вторжения на русскую территорию, не могла рассчитывать на помощь Пруссии, а ее собственный военный потенциал оставлял большие сомнения в возможности успешной борьбы с армией Николая I.

В начале 1830-х гг., по расчетам русских военных специалистов, Австрийская империя, при населении 33 630 381 чел., могла содержать в мирное время армию, насчитывающую 272 204 чел. В случае войны ее численность при мобилизации теоретически возрастала до 527 224⁷². В 1850-е гг. ситуация изменилась не сильно. Накануне франко-австрийской войны 1859 г. армия мирного времени насчитывала 350 000 чел., к которым в случае мобилизации, могло присоединиться около 300 000 «бессрочноотпускных» и резервистов. Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение. Экономическое положение Дунайской монархии исключало полноценную подготовку резервных войск. Во время войны 1859 г., из 375 000

63 Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. С. 281.

64 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 50.

65 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Л. 176–177.

66 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 14. Л. 109–109 об.

67 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 46–47 об. Агентурные донесения о политическом положении в Австрии.

68 Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Изд. 2-е. Т. 2. СПб., 1877. С. 107.

69 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Л. 9. О передвижении частей русских войск к границе с Австрией.

70 Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. С. 282–283.

71 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 51.

72 Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

чел., призванных в армию по мобилизации, 255 000 вообще не умели стрелять⁷³.

В ходе Крымской войны подобные недостатки австрийской армии частично устранялись тем, что войска много месяцев провели вдоль границы в мобилизованном состоянии, а это облегчало командованию проблему подготовки новобранцев и боевого слаживания резервных подразделений. Но даже в этом случае оставался открытым вопрос о возможности австрийцев успешно воевать с Россией. Часть австрийских корпусов неизбежно должна была остаться в Венгрии и Италии, а это означало, что для действий в поле у австрийцев вряд ли останется более 300–350 000 чел.

Но, несмотря на это, фельдмаршал Паскевич был серьезно озабочен проблемой обороны западной границы Российской империи. Наибольшие опасения у него вызывала Волынь. Стратегически важное шоссе Брест-Киев проходило вдоль кромки Припятских болот и в непосредственной близости от границы с Австрией. Укреплений в этом районе Николай I построить не успел, хотя признавал необходимость создания крепости в Дубно или Остроге еще в апреле 1843 г.⁷⁴ В условиях, когда главные силы 3-го и 4-го корпусов вернулись с Дуная, появилась возможность серьезно усилить пехотными частями дивизии резервной кавалерии, прикрывавшие до этого Волынь. Паскевич полностью поддерживал идею генерал-адъютанта Г. В. Жомини, которая заключалась в том, что наиболее рациональной группировка русских войск станет, если на западе России развернуть не две, а три армии (в Польше, на Волыни и в Бессарабии)⁷⁵. В этом случае русская армия получала возможность парировать фланговым ударом вторжение австрийцев на любом возможном направлении. Но десант врага в Крыму сорвал все планы по дальнейшему уплотнению обороны на австрийской границе. В начале августа Паскевич с севера на юг (от Вислы до Черного моря) располагал войсками: 1-го, 2-го, 3-го, 4-го пехотных корпусов, а также 15-й и 16-й дивизиями, соответственно, 5-го и 6-го корпусов. Помимо этого, в районе Варшавы стоял Гренадерский корпус, а за спиной у Горчакова 1-й и 2-й Резервные кавалерийские корпуса, не считая резервных пехотных бригад и дивизий. Однако к концу года значительная часть этих сил ушла под Севастополь.

Несмотря на неудачное для России начало боевых действий в Крыму, фельдмаршал достаточно оптимистично подводил итоги весенне-летней кампании 1854 г.: «Кампания эта кончилась лучше, чем ожидать было можно: турки и союзники их понесли потери бо-

лее нас; мы удержали Германию, остановили Австрию, сохранили армию и выиграли время, которое даст нам возможность усилиться для будущего. Осада Силистрии до половины лета удержала союзников от покушений на наши берега»⁷⁶.

Англо-французская высадка в Крыму открыла новый этап Восточной войны. На полуострове находились 16-я и 17-я дивизии 6-го корпуса и бригада 14-й пехотной дивизии 5-го корпуса. С этими силами Меншиков встретил на Альме имевшую почти двойной численный перевес армию противника и потерпел поражение.

Князь Меншиков предупреждал, что имеющимися силами ему никак не отразить вторжение 50–60 000 чел.⁷⁷, однако летом 1854 г. Паскевич категорически возражал против отправки в Крым даже одной 16-й пехотной дивизии. Внимание фельдмаршала по-прежнему было поглощено укреплением западной границы. Имеющиеся в Крыму войска князь Варшавский считал достаточными для обороны Севастополя, а Меншикова обвинял в неразумном решении принять сражение на Альме. Действительно, фронт позиции на Альме был несоразмерен с силами русских, и более рациональным решением могло стать занятие флангового положения по отношению к союзной армии, которая не имела транспортных средств и не могла двинуться вглубь полуострова.

Но, как бы то ни было, поражение Меншикова потребовало срочного усиления Крымской армии. В сентябре-ноябре в Крым были направлены большие массы кавалерии, а также войска 4-го пехотного корпуса П. А. Данненберга. Дивизии Данненберга приняли участие в тяжелых сражениях под Балаклавой и Инкерманом. Поскольку и после этого снять осаду Севастополя не удалось, в Крым отправился 3-й корпус Д. Е. Остен-Сакена.

Драматизм обстановки в Крыму 1854–1855 гг. заключался в том, что если лишние 2 или 3 дивизии, окажись они у Меншикова на Альме, могли радикально изменить ход боевых действий, то после того, как вражеский десант окопался на Сапун-горе, задача сбрасывания врага в море многократно усложнялась. Под Севастополем возникла патовая ситуация, которую не удавалось переломить даже с помощью постепенно прибывающих подкреплений.

Таким образом, к осени 1854 г. перед русским командованием возникли задачи, явно превышавшие реальные военные возможности русской армии. Было необходимо спасти Севастополь, прикрыть Новороссию от новых возможных десантов и обеспечить отражение все еще вероятного нападения Австрии.

73 McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. Lnd. 1974. P. 50–52.

74 Записка императора Николая об укреплении западной границы 1843 г. // Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1 (Приложение). СПб., 1908. С. 561–564.

75 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 241–242.

76 Там же. С. 192.

77 Оборона Севастополя: Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову (1853–1855 гг.) // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 303–305.

К ноябрю 1854 г. русская армия оказалась рассредоточенной на громадном пространстве. Армия Ридигера в Польше имела 144 батальона пехоты и 97 эскадронов кавалерии, Горчаков на Днестре — 149 батальонов и 203 эскадрона, Меншиков в Крыму — 169 батальонов и 79 эскадронов, 229,5 батальонов и 118 эскадронов защищали балтийское побережье⁷⁸.

Австрийцы продолжали стоять на границе в боевой готовности. В Галиции (3-я армия), по данным русской разведки, они имели 147 000 чел. Трансильванская (4-я) армия эрцгерцога Альбрехта насчитывала 124 000 чел., сократившихся после занятия австрийцами Княжеств до 90 000⁷⁹.

Дунайская монархия испытывала большие трудности. Финансовое положение Австрии грозило ей банкротством. Огромные непредвиденные расходы привели к тому, что годовой военный бюджет 1854 г. был полностью израсходован уже в течение первого квартала⁸⁰. Правительство было вынуждено прибегнуть к принудительным займам. На покрытие старых долгов было выпущено бумажных денег на 140 млн. флоринов⁸¹. Мобилизация и содержание армии в ходе Крымской войны обошлись Австрии в 610 млн.

Буоль в своей политике не мог рассчитывать на поддержку генералитета. Главнокомандующий войсками в Италии фельдмаршал Й. Радецкий категорически возражал против отправки из Италии на восток 6-го корпуса и недопустимого ослабления своей армии. Тем не менее, Франц Иосиф, следуя политике Буоля, 22 октября объявил, что австрийская армия должна быть готова к войне с Россией весной 1855 г. После окончательного завершения мобилизации фон Гесс предполагал иметь 327 380 чел. в полевых и около 100 000 во вспомогательных войсках, объединенных в 11 корпусов⁸².

Однако этим планам не суждено было сбыться. 26 октября в своем меморандуме фон Гесс открыто заявил, что даже успешная война с Россией, во-первых, окончательно разорит государство, а, во-вторых, не соответствует политическим интересам монархии. Жесткое противостояние Буоля и военных имело тот результат, что к середине ноября 1854 г. мобилизация австрийских войск была приостановлена⁸³, хотя в декабре Австрия и заключила с Англией и Францией формальный союз.

78 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 48. Л. 8–9. Сведения о распределении войск армии в Прибалтийском крае, Царстве польском, Придунайских княжествах и в Крыму.

79 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 73.

80 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 51.

81 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. Т. 2. С. 312.

82 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 51.

83 Ibid.

Вследствие тяжелых условий расквартирования, в войсках на территории Галиции и Трансильвании резко возросла смертность от болезней⁸⁴. В принципе, можно сказать, что к осени 1854 г. Австрия достигла пика своей боеготовности, после этого возможности ее армии неуклонно снижались. Но в России этого не могли знать наверняка. Поэтому в Петербурге, куда 18 декабря был срочно вызван фельдмаршал, обсуждалась в основном перспектива военного противостояния с австрийцами.

Таким образом, вывод, сделанный Паскевичем в конце февраля 1854 г. о том, что «для Австрии мы можем быть весьма опасны»⁸⁵, нашел свое подтверждение. Неуверенность австрийского генералитета и его опасения перед лицом войны с Россией являлись прямым следствием широкомасштабных военных приготовлений, предпринятых князем Варшавским на западной границе империи. Австрийцы боялись начинать войну без гарантии военной помощи со стороны Пруссии, а пруссаки сохраняли нейтралитет, видя, что русский император не собирается выступать инициатором войны.

Совещания Паскевича с Николаем I и военным министром продолжались до начала февраля. Предстояло определить направление, откуда для России исходит главная опасность, выработать план кампании на следующий год и, в соответствии с ним, распределить войска.

Разнообразные варианты плана кампании на 1855 г. в двух записках на имя военного министра обобщил и проанализировал генерал-майор Д. А. Милютин⁸⁶. Авторами этих вариантов были, главным образом, Николай I, Паскевич, Горчаков и Ридигер.

Австрийцы в случае войны могли действовать на трех направлениях. С одной стороны — против Ридигера в Польше. Такой удар не имел для Австрии стратегической перспективы. В этом случае, им бы противостояли войска 1-го и 2-го пехотных корпусов, в резерве за которыми находились две гренадерские дивизии. Этих сил вполне хватало для прочной обороны. Помимо войск, пришлось бы иметь дело с Ивангородом и другими крепостями, возведенными в Царстве Польском в 1830–1840-е гг. Без активной помощи Пруссии задача завоевания Царства австрийцам была не по плечу.

Второе направление удара — вдоль берега Черного моря. Пользуясь постоянным ослаблением Южной армии, вынужденной посылать из своего состава подкрепления в Крым, австрийцы могли выйти на левый берег Днестра и двинуться к Одессе и Николаеву. Такой удар стратегически приближал их к союзникам в Крыму и для России был чрезвычайно опасен. Парировать наступление

84 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 61–62.

85 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

86 РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 1–29. Предположения на случай войны с Австрией.

было нечем — Ридигер был слишком далеко, а армии на Волыни не существовало.

И, наконец, удар собственно на Волыни — в районе Дубно, Кременца и Острога. От Царства Польского до Брацлава зияла 400-километровая брешь, прикрытая лишь несколькими батальонами пехоты и кавалерией. Противник в этом случае выходил к фактически не имевшему гарнизона Житомиру, а в перспективе и к Киеву. Но самое главное то, что выход австрийских войск к Припятским болотам отсекал южную армию от войск Ридигера. Русские силы на Днестре были слишком слабы, чтобы ударом с юга остановить неприятеля, а Ридигер из-за договора 8 / 20 апреля не мог перейти австрийскую границу в Галиции и ударить на Львов (Лемберг) или Краков. При таких обстоятельствах единственной реальной возможностью сдерживать продвижение австрийцев на юге было направить удар войск Ридигера не на Галицию, а из района Люблина на юго-восток — по шоссе Брест-Киев на Волынь — вдоль кромки Припятских болот.

Записка Милютина от 3 марта 1855 г., под названием: «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией», дает представление о наличии различных взглядов на перспективу кампании. Паскевич продолжал считать Австрию наибольшей угрозой и потому требовал концентрации всех свободных сил в Польше.

Он хотел собрать между Брестом и Варшавой ударный кулак в 200 батальонов и 200 эскадронов. Помимо сдерживания Австрии, такая концентрация сил была единственным спасением в том, крайнем, случае, если Пруссия вступила бы в войну или если австрийская армия усилилась бы французским экспедиционным корпусом. Весной и летом 1855 г. русское командование всерьез опасалось появления французской армии на западе. Сейчас уже совершенно ясно, что для мобилизации еще одной армии у Наполеона III просто не было резервов, а сама идея появления французских войск в Германии была политически неприемлема для Пруссии и германских государств, тем не менее, слухи такие циркулировали⁸⁷.

Князь М. Д. Горчаков, назначенный в феврале главнокомандующим всеми силами на юге, т. е. Южной и Крымской армиями, придерживался несколько иного мнения. Он признавал опасность со стороны Австрии, но настаивал на первостепенной важности сохранения за Россией Крыма. Ф. В. Ридигер рассматривал варианты максимально эффективного использования своих войск в случае австрийского нападения. Николай I, в принципе, склонялся к точке зрения князя Варшавского и при любых действиях в Крыму требовал безусловного сохранения за Россией Царства Польского. В соответствии с этим решением, в Польшу были направлены две гвардейские дивизии.

87 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 130.

Важно отметить, что во время шестинедельного пребывания в столице Паскевич заметил, что наследник в гораздо большей степени разделяет настроения общественного мнения и важнейшей считает борьбу в Крыму⁸⁸. 2 февраля Иван Федорович покинул Петербург и вернулся в Варшаву, а 18 февраля скончался Николай I.

Смерть монарха сразу же изменила многое в плане будущей кампании. Горчаков сменил Меншикова, и, пользуясь правами главнокомандующего на юге России, направил в Крым дополнительно 2½ пехотные и одну драгунскую дивизии (40 батальонов, 30 эскадронов и 6 казачьих сотен). Подкрепления были взяты из Южной армии, которая после этого оставалась армией только по названию. А. Н. Лидерс, который теперь командовал войсками в Бессарабии, для действий в поле располагал только 34 батальонами и 80 эскадронами. Такими силами ни остановить, ни даже задержать австрийцев, если бы они решились вторгнуться в Россию на юге, было невозможно⁸⁹.

Когда так называемая Южная армия сократилась до примерно 50 000 чел., стало очевидно, что оборону Бессарабии и Волыни необходимо усилить. Было принято радикальное решение о создании третьей армии. Эта идея в 1854 г. высказывалась и Паскевичем, и Жомини, и Николаем Павловичем, только тогда в Крыму не требовалось держать три корпуса. В условиях же весны 1855 г. для создания армии на Волыни пришлось забрать у Ридигера 2-й пехотный и Гренадерский корпуса. Теперь в Польше русские войска могли только пассивно обороняться. 30 мая был издан приказ о создании Западной и Средней армий⁹⁰.

Александр II, видимо, исходил из того, что война с Пруссией маловероятна, а два корпуса, взятых у Ридигера, в случае вторжения австрийцев только в южные области больше пригодятся на Волыни. Командующим Западной армии Александр назначил С. П. Сумарокова⁹¹. Он был командиром Гвардейского корпуса, а основой Западной армии стали именно гвардейские части. Ридигера назначили командовать Средней армией на Волыни.

К большому облегчению Паскевича, весной-летом 1855 г. нового широкомасштабного развертывания австрийских войск не последовало. Острейший финансовый кризис накладывал здесь свои ограничения. А сама австрийская армия очень сильно страдала от болезней⁹². 22 апреля агент донес Паскевичу о том, что нового рек-

88 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 283.

89 РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 1–29.

90 Там же.

91 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 320.

92 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 134 об.-135; РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Л. 95–95 об. Агентурные сведения о подготовке Австрии к войне и возможности военных действий между Россией и Австрией.

русского набора в 1855 г. в Австрии еще не было⁹³. 3 мая пришло важное сообщение о том, что австрийская армия не готова к вступлению в войну⁹⁴. Внушало определенный оптимизм и поведение Австрии на Венской конференции 15 марта-4 июня 1855 г.⁹⁵

Наличие в донесениях большого количества сведений, подтверждающих неготовность Австрии к немедленному выступлению, по всей видимости, и объясняет тот факт, что фельдмаршал согласился с выводом двух корпусов из Польши. Но он рассчитывал, что войска отправятся на Волынь. Подобная перегруппировка, в некотором смысле, отвечала бы общей стратегии сдерживания Австрии, но сосредоточить на Волыни выведенные из Польши корпуса не получилось. Тяжелейшие бои в Крыму истощали армию. Защитники Севастополя 6 июня отразили первый штурм. Александр II не был склонен разделять взгляд на Крым как на второстепенный театр военных действий. Желая переломить ситуацию, он отправил в Крым 2-й корпус, Гренадерский корпус занял позиции на Перекопе. Средняя армия, не успев сформироваться, сразу же потеряла большую часть своих дивизий⁹⁶.

В стратегических приоритетах фельдмаршала Крым не занимал первое место. Весной 1855 г. Паскевич писал Горчакову, выражая тому свое несогласие с идеей направления в Крым максимально возможного числа войск: «Отстоять Севастополь можно и с меньшими средствами. Крым же нечего отстаивать, а стремление к обратному и посылка туда такой массы войск, ослабляя другие пункты, могут стоить России страшной и невыгодной войны»⁹⁷.

Хотя эта точка зрения и представляется, до некоторой степени, оправданной, Паскевич явно недооценивал сложности, с которыми сталкивалось командование Крымской армии. Удерживать под ураганным огнем англо-французской осадной артиллерии передовые укрепления южной стороны Севастополя было совсем не так просто, как оно виделось Паскевичу в Варшаве. В любом случае, сокрушительная критика практически всех действий Горчакова, сохранившаяся в написанном им незадолго до смерти письме, выглядит преувеличенной⁹⁸.

Как уже указывалось выше, особенность боевых действий в Крыму заключалась в том, что многочисленные подкрепления

не позволяли решительно повлиять на ход боевых действий. Находясь на гребне Сапун-горы за мощными укреплениями, союзная армия могла успешно отражать деблокирующие удары. Точка зрения Паскевича относительно ведения боевых действий на полуострове заключалась в том, что командованию Крымской армии следовало признать невозможность сбросить противника в море. Князь Варшавский советовал фланкировать осадные работы противника передовыми укреплениями, такими как Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты. Когда же эти укрепления были захвачены французами, фельдмаршал считал падение южной стороны лишь вопросом времени.

Желая спасти Севастополь, Александр II требовал от Горчакова перехода в наступление. Михаил Дмитриевич не верил в успех операции, но прямо заявить об этом не решился. 28 июля военный совет армии высказался за наступление на р. Черной. Узнав об этом, Паскевич записал: «Суворов не осмелился бы исполнить того, на что отважился главнокомандующий Крымской армией»⁹⁹. Сражение закончилось неудачей и тяжелыми потерями, что лишний раз подтвердило фактическую неприступность союзных укреплений на Федюхиных высотах и Сапун-горе. Возмущение старого фельдмаршала вызвал тот факт, что Горчаков «шел на верное поражение», вместо того, чтобы честно доложить императору о невозможности исполнить его волю¹⁰⁰.

После падения южной стороны Севастополя начался вывод из Крыма лишних войск. Группировка русских армий вновь стала приобретать очертания, выгодные в плане подготовки к боевым действиям против Австрии. В сентябре 1855 г. Паскевич в письме императору, как и прежде, указывал на необходимость особого внимания к проблеме обороны западной границы. Фельдмаршал справедливо отметил, что «положение дел наших с Австрией, в сущности, не изменилось сравнительно с прошедшим годом. Если Австрия не объявила нам доселе войны, то была удержана лишь сильной армией, собранной в 1854 г. в Польше»¹⁰¹.

Паскевич и на этот раз советовал Александру II сосредоточить большие массы войск в составе Западной и Средней армий. Император ответил, что собрать 175 батальонов для Западной армии и 80–100 для Средней, как просит фельдмаршал, не представляется возможным¹⁰².

Несмотря на это, обращает на себя внимание тот факт, что к концу 1855 г. Россия была готова к борьбе с Австрией гораздо

93 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Л. 105–106.

94 Там же. Л. 130 об.

95 Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. С. 286–287.

96 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 325.

97 Там же. С. 303.

98 Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя // Русская Старина. 1872. Т. 6. С. 427. См. также: Степанов Н. П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. №. 11. С. 369–380.

99 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 330–331.

100 Степанов Н. П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. №. 11. С. 372.

101 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 341–342.

102 Там же. С. 346–347.

лучше, чем летом. Полки армии усиливались дружинами Государственного подвижного ополчения. По сравнению с 1853 г., численность вооруженных сил к январю 1856 г. увеличилась в 2,5 раза, если исключить потери, и достигала астрономических по тем временам показателей — 2,3–2,5 млн. чел.¹⁰³ Опасного оголения западной границы, вызванного желанием добиться успеха в Крыму, более не наблюдалось. Союзники, заняв южную сторону Севастополя, даже не пытались затем атаковать Крымскую армию. Потери их были крайне тяжелы, а возможность развить успех в Крыму или где бы то ни было еще — сомнительна.

Сведения, получаемые князем Варшавским с австрийской территории, говорили о невысокой боеготовности армии по другую сторону границы. А в ноябре вообще пришло известие о роспуске по домам австрийских войск в Галиции¹⁰⁴.

Мобилизация громадной, по меркам середины XIX в., армии дорого обошлась России. За время войны, с 1853 по 1856 г. дефицит бюджета по обыкновенным расходам возрос почти в семь раз (с 9 млн. руб. серебром почти до 61 млн.), а общая сумма дефицита — в шесть раз (52 млн. до 307 млн. руб.). Более чем на 50 % уменьшилась золотая обеспеченность бумажных денег¹⁰⁵. К началу 1856 г. общая сумма внешних и внутренних долгов за годы войны составила 533 273 782 руб. Военные расходы в 1856 г. составили 228 999 796 руб., а общая сумма расходов — 593 833 068 руб., при том, что доходы за тот же год равнялись 264 925 321 руб. Общая сумма формального долга государства, включая довоенные внешние заимствования, достигла к окончанию войны 1,5 млрд. руб.¹⁰⁶

На этом фоне в декабре 1855 г. австрийцы в очередной раз предъявили ультиматум России, требуя от Александра II согласия начать переговоры на основе «четырех пунктов». Русский император испытывал мучительные колебания в вопросе о продолжении войны. В ходе двух правительственных совещаний, на которых обсуждался ультиматум, все участники, кроме Д. Н. Блудова, высказались за ее прекращение¹⁰⁷.

Паскевич не был приглашен на совещание. В это время он умирал в Варшаве. Трудно сказать, какое решение он бы поддержал, если бы Александр II спросил его совета. Но важно отметить, что положение России в случае отказа принять ультиматум не выгляде-

103 Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. С. 181–182. Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. P. 243.

104 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Л. 133 об.–134.

105 Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60–70-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 6.

106 Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). С. 219.

107 Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 201.

ло безнадежным. Ресурсы для продолжения войны еще не были исчерпаны. Угроза вступления Австрии в войну, конечно, существовала, но необходимо учесть, что практическая готовность австрийцев начать боевые действия была гораздо ниже, чем летом и осенью 1854 г. Но участники совещания и Александр II сделали свой выбор и признали поражение.

Подведем итоги.

Влияние князя Варшавского на стратегию России в 1853–1855 гг. представляется не исключительным, но определяющим. Фельдмаршал и Николай I несут ответственность за предвоенные внешнеполитические просчеты, приведшие Россию к столкновению с коалицией в условиях дипломатической изоляции, однако, сложность прогнозирования развития событий в ходе Восточного кризиса слугит им смягчающим обстоятельством.

Когда угроза войны с Турцией стала очевидной, фельдмаршал призывал к осторожности, чтобы одновременно не войти в острый конфликт с Англией и Францией как главными конкурентами России в Восточном вопросе. По его мнению, такое противостояние было опасно тем, что грозило России не дать воспользоваться плодами ее возможных побед над Турцией. С его (применительно к тем условиям ошибочной) точки зрения, сложившийся союз Англии и Франции не мог быть прочным, поэтому, если бы Россия, в случае начала войны с Турцией, приняла оборонительное положение, появлялся шанс оставить турок без иностранной поддержки.

Эти надежды не оправдались. Середина февраля 1854 г. стала для Паскевича переломным моментом. После того, как выяснилось, что Англия и Франция вступают в войну на стороне Турции, а Австрия занимает враждебную по отношению к России позицию, князь Варшавский начал отчетливо понимать, что вырисовывающиеся масштабы конфликта превышают реальные возможности вооруженных сил России.

Если до февраля 1854 г. Паскевич еще надеялся на сепаратные переговоры с Турцией и верил в непрочность англо-французской коалиции против России, то после февраля все эти надежды рухнули. Когда же и Пруссия отказалась подписывать с Россией договор о нейтралитете, фельдмаршал начал обдумывать сценарий возможного противостояния изолированной России с четырьмя великими державами.

Возвращаясь в памяти к событиям 1812 г., фельдмаршал отчетливо понимал, что Россия попала в исключительно опасное положение. Несмотря на, казалось бы, неограниченное доверие Николая Павловича к «отцу-командиру», ему летом 1854 г. стоило огромных трудов склонить императора на уступки. Эвакуировав войска из Придунайских княжеств, Паскевич, с его точки зрения, добился выигрыша времени и некоторой разрядки внешнеполитической

обстановки — так волновавшая его перспектива войны с Пруссией отодвигалась. Риск войны с Австрией также был снижен.

К осени 1854 г. фельдмаршал надеялся сосредоточить на границе Австрии главные силы Действующей армии, чтобы иметь возможность гарантированно отбить нападение на наиболее вероятных направлениях, однако десант союзников в Крыму существенным образом изменил стратегическую обстановку. С этого момента оборона Крыма начала стремительно поглощать войска, столь необходимые, по мнению Паскевича, на западной границе.

Вопреки ожиданиям Паскевича, австрийцы в 1855 г. из-за нехватки средств оказались не в состоянии осуществить развертывание своей армии на российской границе в таком же масштабе, как осенью 1854 г. Это позволило сделать попытку, дополнительно направив в Крым подкрепление, решительным ударом прорвать осаду Севастополя. Однако природные условия позиций союзников на Сапун-горе и Федюхиных высотах практически исключали успех их лобового штурма.

Оценивая роль князя Варшавского в Восточной войне, нужно признать, что он в целом верно представлял себе предел военных возможностей Российской империи. И как только в феврале 1854 г., по мнению Паскевича, произошел выход за эти пределы, стало ясно, что конечный успех в войне уже невозможен.

Паскевич видел глубину внешнеполитической изоляции России и хорошо себе представлял, что эта изоляция означает с военной точки зрения. Наиболее опасным из всех актуальных и потенциальных противников была Австрия — сильнейшая из германских держав. В отличие от Пруссии, она имела с Россией важные политические противоречия, именно ее армия была в состоянии создать угрозу наиболее опасному для России стратегическому направлению — западному.

Паскевич понимал невозможность одержать победу в таком противостоянии, поэтому его план сводился к затягиванию войны и к стремлению свести конечный результат к наименьшим для Российской империи потерям. С его точки зрения, падение Севастополя, стратегическое значение которого исчерпывалось с утратой флота, после продолжительной и стойкой обороны, было наименее тяжелой моральной и материальной потерей в войне. А риск потери Крыма представлялся менее опасным, чем перспектива потери Царства Польского, Литвы и Правобережной Украины.